

УДК 141.45

doi: 10.18101/978-5-9793-0054-2-2017-208-214

СТАНОВЛЕНИЕ АТЕИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В БУРЯТ-МОНГОЛИИ В 1923–1928 гг.

© **Хомяков Сергей Васильевич**

лаборант-исследователь, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: seregka777@mail.ru

Культурная революция, итогом которой стала ликвидация неграмотности и создание сети образовательных учреждений, проводилась в Бурятии с 1920-х гг. Для обеспечения успешного ее проведения необходимо было создать благоприятные условия, ведь итоговой обобщенной целью культурной революции становилось формирование человека нового типа. И одним из главных условий этого являлась массовая атеизация населения. В статье рассматриваются последовательные мероприятия по борьбе с православием, старообрядчеством и шаманизмом, которые проводились советской властью в Бурят-Монгольской АССР в 1923–1928 гг. Буддисты предпринимали попытки сосуществования с новой идеологией.

Ключевые слова: идеология; коммунистическая пропаганда; государство; периодическая печать; массовая атеизация; православие; старообрядчество; шаманизм; буддизм; религиозные диспуты.

Одним из важнейших компонентов советизации населения БМАССР стала массовая атеизация. В набор качеств советского человека помимо чувств патриотизма, интернационализма, коллективизма должно было войти материалистическое мышление. Следовательно, в мировоззрении советских людей не могло быть места религиозным убеждениям. Различного рода мероприятия были нацелены на воспитание нового мироощущения, в котором отсутствовали представления о высших духовных силах, и, напротив, формировались представления о значимости личной воли, трудолюбия, о победах под руководством партии и ее вождей. В условиях широкого распространения в республике религии и сильного ее влияния атеизация стала одним из необходимых этапов культурной революции. Антирелигиозная кампания в БМАССР в 1923 г. кроме общего планомерного давления властей на православное духовенство, ламство, шаманов и старообрядцев включала и широкую пропаганду в печати. Это научные доклады, стихотворения, обличающие священнослужителей в их стремлении к личному обогащению; статьи, сообщающие о неспособности оказать реальную помощь при обращении, обвиняющие духовенство в попытках настроить общество против советской власти: «Троицкосавск. 11 сентября в Нардоме имени Ленина состоялся доклад “Религия и ее значение”. Докладчик Шайдуров подробно изложил историю возникновения религиозных убеждений. Подробно остановившись на идее и цели религии, способствовавшей развитию рабства и укреплению самодержавия, оратор изложил современное течение религиозной мысли в Советской России» [1, с. 3]. В условиях формирования новой социокультурной общности отношение к социальным группам, олицетворяющим старый мир (духовенство, зажиточное

крестьянство, купечество) было подчеркнуто отрицательным. Их стремление адаптироваться к новой общественно-политической жизни страны, провозгласившей диктатуру пролетариата, воспринималось как попытка внедрения враждебных элементов. При этом периодическая печать, которая выполняла, прежде всего, функцию пропаганды, формировала негативное отношение к ним остальной части населения.

В 1923 г. появляются заметки, доказывающие вину священнослужителей в отрыве жителей деревень от работы во время церковных праздников: «Село Кульское веселится на свой лад: собрались, помолились, что было повторено на другой день. Обильную жатву собрал отец Спиридон, совершивший также хождения по селу» [2, с. 3].

Большую роль в кампании борьбы власти с религией играла широкая пропагандистская работа. Она характеризовалась, в частности, заметками в газете, осуждающими церковные празднования, крестные ходы, буддийские молебны, шаманские обряды, критикой темноты и невежества старообрядческого населения, живущего в республике: «21 сентября сего года, в церковный праздник Дмитрия Капустника, двое из местных батюшек совершили за Удой хождение с крестом по домам верующих заудинок, собирая у них вилки капусты. Приходится удивляться темноте заудинских гражданок, которые до сих пор еще не гонят попов-мироедов» [3, с. 4]. Заметка о событиях в старообрядческом Большом Куналее в августе 1923 г. наполнена классовым и антирелигиозным содержанием: «В селе Большой Куналей в праздник Воздвижения (27 августа) богомольные кооператоры, считая за грех торговать в церковный праздник, дают возможность набивать себе карманы частным кулачным лавочкам» [4, с. 4]. Доказательство несомненного сговора чуждых элементов — религиозных деятелей и кулачества — строится на классовом подходе, подразумевающим обязательный антагонизм между эксплуататорами и трудящимися: «В районе Адугаликского хошуна Агинского аймака, населением улусов Адугалик и Хужиртай по инициативе кулаков был устроен в июле месяце шаманский обряд в честь мифических божеств “священного” Ольхона» [5, с. 4]. Статья имеет характерное название — «Игра на темноте и невежестве народа». Конечной направленностью и итогом этой пропагандистской работы должно было стать уже не только «безбожное» отношение населения к отправителям религиозных культов, но и откровенно негативное. Всеми силами показывалось, что религия давно уже стала лишней, ненужной, затратной для населения и лишенной всякой практической значимости, идущей против интересов народа: «Из сел Старая и Новая Брянь. В августе в Новой Бряни состоялось объединенное собрание обоих селений, на котором присутствовало граждан обоого пола 354 чел. Обсуждались вопросы о содержании уставщиков, пономарей и прочей дребедени. Наши граждане «семейские» за церковь держатся и представляют попам морочить себя как последним желательным» [6, с. 3].

Кроме обыденных и в целом имеющих наивный характер заметок, посвященных борьбе с религией, уже в 1923 г. в печати появляются более серьезные попытки воздействия на религиозные институты в республике. Наиболее интересен в этом смысле освещенный в газете диспут между ламами и комсомольцами Хоринского аймака, который прошел 21–22 сентября 1923 г. На нем комсомольский активист читал доклад на тему религии и ее роли в исто-

рии государственного развития, укрепления самодержавия, угнетения народов. Далее ответное слово взяли ламы. Несмотря на то, что доподлинно неизвестно, какова была реакция на их ответы у присутствующих, до всех читающих газету жителей республики текст статьи доводил мысль об убедительной победе атеистов в диспуте посредством, в частности, таких аргументов: «Ламы берут готовые положения из буддийской философии и стараются объяснить присутствующим вопрос о сущности души, но тут оппозиция требует доказательства, на которые ламы отвечают не совсем правильными подтверждающими примерами» [7, с. 3].

На основании представленных материалов можно сделать вывод, что в Бурят-Монгольской АССР в 1923 г. шла планомерная деятельность по созданию негативного образа религиозных служителей, что, в конечном счете, вело к дискредитации самого института религии, но эта работа была далеко не окончена.

В 1924–1925 гг. в Бурят-Монгольской АССР продолжают процессы, направленные на становление единого социалистического образа жизни. На основании анализа материалов можно прийти к выводу о расширении масштабов антирелигиозной кампании.

Происходит постепенное замещение религиозных обрядов, их вытеснение советскими ритуалами. На государственных предприятиях и в сельской местности граждан призывают не крестить детей, а «октябрить»: «Рабочие государственной типографии давно уж отказались от всего старого. Они не хотят носить своих детей в церковь для крещения. “Мне рабочие типографии сами окрестят моего сына” — говорит один из наборщиков. 7 февраля 1924 г. в Красном уголке печатников состоятся торжественные октябрины четырех детей» [8, с. 3]. Этот пример иллюстрирует работу атеистической идеологии, отрицающей существование высших сил, Бога, исходя из которой посредники между ним и мирянами — священнослужители — более не нужны. Человек сам хозяин своей судьбы, сам себе священник, поэтому крестить могут «рабочие типографии». Не случайно и проведение обряда в новом «священном» месте, которое должно было проходить в Красном уголке, где по важным случаям (праздникам) собирается коллектив и активисты читают доклады (проповеди). Один из фундаментальных христианских обрядов заменяется новым, советским обрядом своеобразного «крещения» детей, родившихся после Октября 1917 г. и являющихся первым послереволюционным поколением. Таким образом, наряду с осуждением церковных праздников идет борьба против других атрибутов религиозного сознания населения — обрядов, их замена советскими.

В периодической печати продолжается публикация заметок о случаях отречения от сана, разочарования в религиозной деятельности, которые происходят во многих уголках советской страны. Появляются уже не единичные, а коллективные обращения хуvaraков, стремящихся к светскому образованию: «Ламская молодежь бежит из дацанов. 15 000 хуvaraков все более стремятся к свободной жизни. “Дайте нам школу, мы хотим участвовать в революционной жизни”» [9, с. 3]. На основании действительно имевших место волнений среди хуvaraков и открытых писем, написанных некоторыми из них, делался вывод, что все 15 000 стремятся отказаться от духовного обучения и скоро начнется их массовое бегство из дацанов. Во многом этим настроениям в периодической печати способствовало постановление ЦИК и Совнаркома БМАССР

от 17 декабря 1925 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»²¹: «1. Объявить достоянием народа все храмы и богослужebное имущество, находящиеся в настоящее время в фактическом пользовании буддийского духовенства (лам) ... 6. Со дня издания настоящего постановления воспрещается служителям культа прием в коллективы лам, обучение религиозному культу и посвящение в духовное звание лиц, не достигших 18-летнего возраста... 7. Всем, не достигшим 18-летнего возраста хуваракам, помимо своей воли или по неосознанности попавшим в среду лам на обучение и воспитание, обеспечить полную возможность возврата в мирское состояние» [10, с. 73].

Уже к 1925 г. можно говорить об успехах политики атеизации, в том числе и в сельской местности. Об этом свидетельствуют материалы фольклориста Ф. Степанова, который в том числе собирал бурятские революционные песни. «Только после Октября, благодаря ленинской национальной политике, бурят-монголы под руководством партии и правительства создали культуру и искусство “национальное по форме, социалистическое по содержанию”. Бурят-монгольская молодежь, вместо ранних песен “тарасунной вечерки”, взялась за сочинение новых революционных песен» [11, л. 1].

«Жаворонку — птице
Горы препятствий нет
Большевиком ставшим
Бога — веры нет.
Ласточке — птице
Горы препятствий нет.
Коммунистом ставшим
Бога — веры нет
Белого коня оставим
На доброго коня сядем
Цагаалгана дня оставим
В.С.В.Б. — ячейку вступим» [11, л. 2].

Эту песню можно причислить к антирелигиозным. Несмотря на явный политический заказ, ее исполнение могло иметь определенные результаты в массовом сознании. Борьба советской власти с религией являлась ничем иным как борьбой двух мировоззрений, религия в этом смысле представлялась большевикам одним из орудий дореволюционного мира, а значит, по схеме бинарной оппозиции ее можно было причислить и отождествить со всем старым, плохим, вредным, угнетающим и в таком негативном смысле внедрить в общественное сознание. Стоит отметить, что если в первые годы советской власти классовым врагом представлялась Русская православная церковь, а буддизм как религия угнетенного народа не подвергался гонениям, то уже с 1925 г. ситуация решительно изменилась. Воодушевленные лозунгами советской власти, осознавая, что религия — это совершенно беззащитный объект для нападений, «безбожники и комсомольцы» во многих районах Бурятии принялись устраивать игры на придацанских площадях, а потом и вовсе стали изгонять лам и громить дацаны.

²¹ Данный документ является республиканским аналогом Декрета о свободе совести, церковных и религиозных обществах, принятого Советом народных комиссаров РСФСР 23 января 1918 г.

Что касается отношения властей и населения к буддизму, то оно в этот период все еще терпимое, хотя власти стремятся ограничить зону влияния буддийских дацанов на сельские советские органы, на которые пытались воздействовать дацанские советы: «В Оронгойском хошуне дацанские советы продолжают сношаться со своими прихожанами через сомсоветы» [12, с. 4]. Подобные случаи, скорее, были единичными и временными. Позже о влиянии церкви и дацанов на деятельность органов советской власти в республике говорить не приходится.

В 1926 г. атеистическая пропаганда в республике отмечена новой волной наступления на религиозное сознание. Это выражалось, в частности, в таких формах, как негативное освещение в прессе прошедшего в конце декабря 1925 г. II буддийского собора: «С 22 декабря в Верхнеудинске проходит II буддийский собор. На него собрались 80 представителей дацанов Бурятии. В прениях по докладу отмечалась неорганизованность ламского духовенства. Молодые ламы отмежевываются от старого ламства. Ламы высказываются за борьбу с шаманизмом. Большим авторитетом пользуется Агван Доржиев» [13, с. 3]. Властями делаются новые попытки разобщить ламство, противопоставив молодых лам пожилым, а также заостряя внимание на случаях негативного отношения ламства к шаманизму. Антирелигиозная работа, как уже было сказано, в 1926 г. выходит на принципиально новый уровень, о чем говорит общее по республике и г. Верхнеудинску изменение в методах пропаганды атеизма. Другими словами, власти взялись за дело со всей серьезностью и от несистематического осуждения религиозных праздников перешли к более планомерным мероприятиям: «В прошлом антирелигиозная пропаганда в городе хотя и проводилась, но не носила организованный, системный характер, была приурочена к религиозным праздникам. Это приводило к поверхностному подходу. Ныне создаются кружки антирелигиозников, кружки друзей газеты «Безбожник». Задача — организация желающих работать в кружке, распространение газеты, проведение читок, беседований, устройство антирелигиозных судов. Необходимо учитывать, насколько сильна религиозность массы рабочих на предприятиях» [14, с. 3]. Такие меры говорят о начале широкомасштабного наступления на религию всеми доступными методами и способами. При антирелигиозной комиссии Обкома ВКП(б) создается Общество безбожников, которое призвано систематизировать прежде разрозненную атеистическую пропаганду среди населения республики. Разрабатывался отдельный подход и осуществлялся подбор кадров по работе с каждой религией и религиозным направлением, организовывались конкурсы докладов и многое другое: «При всех ячейках должны будут созданы кружки повышенного и пониженного типа. Программы кружков по работе среди ламаистского населения, шаманистов, семейского и православного еще не разработаны. Разрабатываются работниками учкома брошюры о сущности этих учений, оргбюро намерено объявить конкурс на лучшие труды. Необходимо дать на местах указания о сборе материалов о деятельности лам, шаманов, уставщиков в целях обработки, регулярно освещать в печати вопросы антирелигиозной работы» [10, с. 98].

В случае с буддизмом и шаманизмом местным властям приходилось действовать двумя способами. Во-первых, в борьбе с ними применялись общесоветские методы, например, публикации открытых писем служителей культа о разочаровании в своих религиозных убеждениях: «Я, гражданин улуса Алят

Аларского аймака, Бардаев Баярто, с 1908 г. занимался шаманством. Мне 61 год. Прожив 10 лет при советской власти, я понял, что религия и шаманизм являются дурманом, с сего года с этой деятельностью покончено» [15, с. 3]. Но надо сказать, что подобные акции так и не стали носить массовый характер, в отличие от кампании написания хуvaraками буддийских дацанов открытых писем в предыдущие годы. Во-вторых, учитывая специфику религий, гораздо менее распространенных в стране, чем православие, «обвинения» в их чуждости советской власти еще только разрабатывались, и нужно было проявить местную инициативу по атеизации неправославного населения. Такими мероприятиями стали, в частности, диспуты, подобные практиковавшимся в 1923–1924 гг. в Хоринском аймаке религиозным диспутам между буддистами и коммунистами: «18 марта 1928 г. в Верхнеудинске будет проводиться антирелигиозный диспут от Общества союза безбожников: Буддизм и коммунизм. Союз безбожников борется с тенденцией агитации ламства в том смысле, что буддизм близок к коммунизму, Будда предвосхитил учение Маркса. На диспут приглашаются виднейшие ламы, наблюдается большой интерес со стороны массы» [16, с. 2]. В отличие от подробного освещения хоринского диспута, итоги спора 1928 г. печатью были обозначены довольно скупой: «Тридцать лам прибыло на диспут. Ламы умело пользовались своей начитанностью, но не отстояли своих позиций. «Долой верить в бога» — призывали со всех сторон» [17, с. 3].

Полным ходом шло введение в эксплуатацию зданий школ, привлечение молодого преподавательского состава, создание культурно-просветительских кружков, красных уголков при заводах и учреждениях, изб-читален, библиотек и формирование их книжного фонда, который пополнялся не только одобряемыми изданиями. Это замечали бдительные читатели, например, в селе Селендума: «В библиотеке есть книга: «Моя первая священная история». Книга издана на великолепной бумаге и в хорошем переплете. Раскрывая ее, вы читаете, как бог сотворил небо и землю, человека и т. д. Книга предназначена для детей» [5, с. 3]. В конце автор требует изъять книгу из библиотеки. Подобные случаи свидетельствуют об успехах советской власти в вопросе формирования атеистического образа мысли.

Литература

1. В Троицкосавске // Бурят-Монгольская правда. 1923. 4 окт. С. 7.
2. Веселятся // Бурят-Монгольская правда. 1923. 4 сент. С. 7.
3. Попы «стреляют» // Бурят-Монгольская правда. 1923. 11 окт. С. 7.
4. Кооператоры с религиозным зудом // Бурят-Монгольская правда. 1923. 14 окт. С. 8.
5. Игра на темноте и невежестве народа // Бурят-Монгольская правда. 1923. 13 сент. С. 7.
6. «Мертвецы» // Бурят-Монгольская правда. 1923. 30 сент. С. 7.
7. Ринчинэ Б. Религиозный диспут между ламами и комсомольцами Хоринского аймака // Бурят-Монгольская правда. 1923. 16 окт. С. 8.
8. За новый быт // Бурят-Монгольская правда. 1925. 5 фев. С. 7.
9. Хуvaraки бегут // Бурят-Монгольская правда. 1925. 1 янв. С. 8.
10. Культурное строительство в Бурятской АССР (1917–1981). Документы и материалы. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. 568 с.

11. Степанов Ф. Бурятские революционные песни с. Мухоршибирь // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф.1. Оп. 1. Д. 663.
12. По Буреспублике // Бурят-Монгольская правда. 1925. 4 янв. С. 6.
13. Второй буддийский собор // Бурят-Монгольская правда. 1926. 3 янв. С. 8.
14. Антирелигиозная пропаганда и партруководство // Бурят-Монгольская правда. 1926. 20 марта. С. 7.
15. Религия и шаманство приносят вред народу // Бурят-Монгольская правда. 1928. 21 марта. С. 8.
16. О задачах антирелигиозного диспута // Бурят-Монгольская правда. 1928. 17 марта. С. 7.
17. Эрдымэй Тымэцэл // Бурят-Монгольская правда. 1928. 24 марта. С. 8.

BECOMING OF ATHEISTIC CONSCIOUSNESS IN BURYAT-MONGOLIA IN 1923–1928

Sergei V. Khomyakov

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, RAS
6, Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047 Russia

The Cultural Revolution, which culminated in the eradication of illiteracy and the creation of a network of educational institutions, was held in Buryatia from 1920-es. To ensure its successfulness, it was necessary to provide favorable conditions as the authorities saw the final aim of the Cultural Revolution in creation of the Man of a new type. Among the most important conditions for this purpose was a revolution in the minds of the people that manifested in mass atheization of the population.

The paper considers the role of communist propaganda that could be successful in the public consciousness only when religious component is eliminated. In the period from 1923 to 1928, in Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic the successive measures against Orthodoxy, Old Belief, and shamanism took place. Buddhist leaders made attempts to save religion in the conditions of the new ideology.

Keywords: ideology; communist propaganda; state; periodical press; mass atheization; Orthodoxy; Old Belief; Shamanism; Buddhism; religious debates.